

Му Юань устремил взгляд вдаль, погружаясь в воспоминания.

Переведя дух, он продолжил:

— В то время я уже месяц находился в лучшей психиатрической больнице Империи. Но даже там врачи лишь разводили руками. Они не понимали ни причин моих вспышек безумия, ни того, как меня исцелить.

***

Лучшая психиатрическая больница Империи.

Палата особого режима для пациентов S-ранга.

Сотрудник больницы вел Гу Цина мимо бесконечных рядов палат, пока они не остановились перед дверью, чей вид внушал трепет своей массивностью.

— Господин Гу, это палата господина Му, — почтительно произнес сопровождающий.

Гу Цин нахмурился, глядя на эти меры предосторожности. С Му Юанем обходились словно с опасным хищником, заперев в камере, способной выдержать осаду.

— Благодарю, — сухо ответил он.

Едва Гу Цин собрался войти, как сотрудник ледяным, официальным тоном добавил:

— Должен предупредить: за господином Му числятся нападения. Общаться вы сможете только через решетку.

Гу Цин мгновенно вспыхнул:

— Что?!

Он в ярости обернулся к мужчине:

— Я пришел навестить друга, а не глазеть на зверя в клетке! Вы за кого его принимаете? За мартышку в зоопарке? Это оскорбительно!

От яростного крика Гу Цина спесь с сотрудника мигом слетела, и он виновато забормотал:

— Господин Гу, поймите, это ради вашей же безопасности...

Но Гу Цина было не унять.

— Мне плевать! Открывайте дверь, я хочу говорить с другом лицом к лицу!

Под тяжелым взглядом посетителя сотрудник совсем стушевался. Он разрывался между инструкцией и напором гостя:

— Господин Гу, я не могу... это...

Пока они препирались, к решетке бесшумно подошел Му Юань.

— Гу Цин... — негромко позвал он. Голос его звучал слабо.

Гу Цин тут же бросился к титановым прутьям, вглядываясь в лицо друга:

— Му Юань! Ты как? Живой?

Лицо Му Юаня было бледнее обычного, но в целом он выглядел оправившимся.

— Зачем ты пришел? — тихо спросил он.

— Волновался за тебя, дурак, — буркнул Гу Цин. Помолчав, он добавил с нескрываемым пренебрежением: — Твоя мачеха уже вне опасности, ее перевели в общую палату.

— Вот как... это хорошо.

При известии о том, что жизни женщины ничто не угрожает, Му Юань немного оживился, в нем мелькнула искра прежней силы.

— Эта женщина сама на рожон лезла, — в сердцах сплюнул Гу Цин. — А теперь тебя же во всем винят, заперли здесь Бог знает на сколько.

Му Юань опустил голову, о чем-то глубоко задумавшись. Заметив это, Гу Цин поспешил сменить тон:

— Впрочем, это лишь мои догадки. Кто знает, что у нее в голове? Святая она или просто прикидывается — доказательств нет... Но что бы она там ни думала, сейчас главное — твое здоровье!

Он в упор посмотрел другу в глаза, стараясь передать ему свою уверенность:

— Ты обязательно поправишься. Слышишь? До конца!

Му Юань поднял взгляд и заставил себя отбросить мрачные мысли. Он слабо, едва заметно улыбнулся.

— Спасибо, Гу Цин.

— Да ладно тебе! — хохотнул тот, по-хозяйски хлопнув себя по груди. — Мы же братья, в конце концов.

Покончив с серьезными разговорами, Гу Цин перешел к насущному:

— Кстати, чего тебе принести? Покормить-то тебя здесь не забывают?

Он воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что надзиратель ушел, зашептал:

— Я проходил мимо столовой — еда там жиже воды! Мало того, что помой, так еще и доставку заказывать запрещают!

Гу Цин посмотрел на друга с искренним состраданием:

— Дружище, представляю, как ты тут мучаешься.

— Больничная каша вполне сносная, — попытался возразить Му Юань.

— Да брось ты, нельзя же вечно на одной каше сидеть! Говори, чего хочешь, я втихаря протащу.

Гу Цин был настроен решительно: если он вбил себе в голову, что другу плохо, он не уйдет, пока не накормит его чем-нибудь приличным. Му Юаню ничего не оставалось, кроме как сдаться.

— Ну хорошо. Я бы не отказался от...

Договорить он не успел. В следующее мгновение лицо Му Юаня стало мертвенно-бледным.

Краска схлынула в один миг. Лоб мгновенно покрылся крупными каплями холодного пота, губы приобрели синюшный оттенок. Внезапная вспышка боли в мозгу была такой силы, что Му

Юань не смог удержаться на ногах — он просто рухнул навзничь на бетонный пол.

Судорожно, пальцами с побелевшими костяшками, он рванул ворот рубашки, пытаясь вдохнуть. Воздуха не хватало. Но хуже всего было то, что мир вокруг внезапно погрузился в абсолютную тишину — слух пропал. Перед глазами заплясали черные и белые пятна, превращая реальность в неразличимый хаос.

Но страшнее всего была агония в голове. Казалось, разум медленно, дюйм за дюймом, кромсают тупым ржавым ножом, расчлняя на тысячи кусков, чтобы затем каждый из них растереть в пыль.

Сознание Му Юаня оставалось кристально ясным. Он понимал, что упал, но не мог ни пошевелиться, ни подавить этот крик, застрявший в горле. Единственное, на что хватало сил — не провалиться в забытье, удерживаясь на самом краю этой бездны боли.

Гу Цин, видя, как друг после обычного разговора внезапно падает в конвульсиях, едва не обезумел. Он с грохотом заколотил по титановым прутьям, срывая голос:

— Му Юань! Му Юань!

Тот не отвечал. Он даже слова не мог вымолвить — настолько все было плохо. До кнопки экстренного вызова у кровати было не дотянуться. Гу Цин, не теряя ни секунды, бросился в коридор за помощью.

Сквозь пелену боли Му Юань слышал, как голос друга удаляется:

— Держись, Му Юань! Я сейчас приведу врачей!

В памяти Му Юаня те часы остались размытым пятном. Прибежали почти все врачи, кто не был на операциях. Но никто из них не решался войти. Памятуя о боевой мощи Му Юаня, они в ужасе застыли перед дверью, не смея приблизиться к пациенту.

Десятки людей толпились у палаты, наблюдая за его мучениями, но не предпринимая ни единой попытки помочь. Гу Цин рвался в бой, готовый сам войти в клетку, но его держали семеро, не давая и шагу ступить.

В итоге Му Юань боролся в одиночку всю ночь. Лишь к рассвету изматывающая боль начала отступать.

После этого он проспал пять суток. Очнувшись, вконец ослабевший Му Юань потребовал ответа от руководства больницы: почему его оставили без помощи? Ответ был ледяным и формальным: «Симптомы припадка не соответствовали диагнозу при поступлении. Требовалось наблюдение для уточнения протокола лечения».

Возможно, с точки зрения бюрократии они были правы, заботясь о безопасности персонала. Но для Му Юаня это было равносильно тому, что его бросили умирать.

Он не желал оставаться в этой психиатрической больнице, гордо именовавшейся «лучшей в Империи». Му Юань связался с отцом и честно рассказал обо всем. Несмотря на гнев отца из-за ранения мачехи, тот не собирался позволять сыну просто угаснуть.

Му Юаня забрали домой. Его поселили в специально переоборудованном флигеле, стоящем поодаль от главной усадьбы. Отец, извлекая уроки из прошлого, распорядился, чтобы вся мебель в домике была из сверхпрочных сплавов — такую не пошатнул бы и взрыв сверхновой.

Так Му Юань оказался под домашним арестом. Его передвижения жестко ограничили, а Центральная военная академия Империи временно приостановила его зачисление.

Дни потянулись один за другим, однообразные и выверенные.

Распорядок заключенного.

Днем он штудировал учебники, самостоятельно осваивая тактику и стратегию, и часами пропадал в Старнете, оттачивая искусство командования в виртуальных сражениях. Ночами же просто пытался выжить, надеясь на исцеление.

Прошло два месяца. Му Юань уже начал верить, что действие нейротоксина зергов сходит на нет, ограничившись лишь парой вспышек. Он думал, что идет на поправку... Но последовавшие события нанесли ему новый, сокрушительный удар, швырнув его в еще более глубокую бездну.

<http://bllate.org/book/17475/1696158>